

*Жозетте и нашему племени,
всем, кого мы любим и кто нам дорог*

*Жаку Шомерю,
неизменно верному другу*

*Моим родителям,
Иветте и Рене Гужон*

*Жилю Лапужу, другу,
который любил слушать, как падает снег*

И я тащусь по жизни,
Сражая вялость ног, —
Среди довольных, бодрых, —
Безвестно одинок¹.

ФРАНЦ ШУБЕРТ.

Зимний путь.

Стихи Вильгельма Мюллера

ПОНЕДЕЛЬНИК,
17 ФЕВРАЛЯ 1936 ГОДА

Андреас шел по Унтер-ден-Линден¹. Он не понимал, зачем кому-то понадобилось срубить знаменитые липы, издавна составлявшие очарование этой улицы. Он чувствовал себя чужаком в родном городе. В лицо хлестал холодный ветер. Вдруг он сорвал с него шляпу. Андреас даже не попытался ее догнать. На опустевший перед грозой Берлин упала ночная тьма. Во всем пейзаже ощущалось что-то ирреальное. Под ногами хрустел снег, покрывший тротуары ледяной коркой.

На перекрестке с Фридрихштрассе Андреас остановился возле кафе “Кранцлер” и, на мгновение заколебавшись — он, как всегда, спешил, — вошел внутрь. Присядет ненадолго, закажет что-нибудь выпить — просто чтобы согреться.

Он поискал глазами свободное место, но зал кафе был набит битком. Официанты сновали между столиками, демонстративно, как умеют только они, достигшие в этом искусстве вершин, его игнорируя, хотя он

¹ Одна из центральных улиц Берлина. — *Здесь и далее, если не оговорено особо, — прим. автора.*

очень старался привлечь к себе внимание. Вдруг он заметил Йозефа и Марию Бок, родителей жены. Верные своей привычке, они пили кофе с молоком и лакомились пирожными. Он помахал им рукой. Но они тоже его не видели. Может, он стал прозрачным?

Странно, но, хотя стояла зима, посетители были одеты легко, чуть ли не по-летнему. Йозеф Бок был в светло-сером костюме, его жена — в строгом бежевом платье с глухим воротом. Внезапно тесть Андреаса поднялся с места. От его военной выправки, тронутых сединой волос и глаз ярко-синего, на грани электрик, цвета веяло холодом.словно актер, ищущий поддержки у зала, он *mezza voce*¹, но сложив рупором руки, произнес:

— Сейчас я открою вам одну тайну. Сегодня хватают всех подозрительных. Поощадают только тех, к кому не придраться. Только никому не говорите!

Мария Бок, в свою очередь, встала и, размахивая руками, прокричала:

— Наконец-то мы избавимся от иностранной швали! И от немцев... которые против немцев! От предателей! От слюнтяев!

Казалось, в ее облике не осталось ничего от типичной бургерши определенного возраста, разве что нутряная ненависть ко всем, кто не был арийцем или национал-социалистом. Правда, раньше она не позволяла себе такой вульгарной агрессии и предпочитала обходиться намеками.

Остальные посетители кафе никак не реагировали на выступление четы Боков. Только забившийся в дальний угол посетитель, закутанный в шарф, в на-

1 Вполголоса (*итал.*).

двинутой на лоб кепке, бросал на Боков обеспокоенные взгляды. Одежда на нем была помятой, и он явно не брился несколько дней. Внешне он походил на тех бедолаг, что во времена Великой депрессии шатались по дорогам и воровали у крестьян кур, — ими пугали детей.

Словно по щелчку, муж и жена Бок дружно повернулись к мужчине и в один голос провозгласили: — Это германофоб! Мы его узнали! Держите его!

Зал тотчас же наполнился шумом и криками посетителей, словно в него ворвалась стая бешеных псов. Откуда ни возьмись появились два вооруженных пистолетами гестаповца в черных мундирах. Андреас пригляделся к лицу несчастного бродяги и с ужасом узнал в нем свое собственное. Это был он сам.

Человек-который-был-Андреасом в непроизвольной попытке сбежать рванулся к выходу, но у дверей уже застыли полицейские. Тогда, утратив остатки самообладания, бродяга вскинул руку в нацистском салюте. Он снова и снова, как заведенный, поднимал вытянутую вперед руку, каждый раз дрожащим от патриотического восторга голосом выкрикивая: “Хайль Гитлер!” Но от этой гротескной демонстрации лояльности за милю несло фальшью. Оба гестаповца не мигая смотрели на его смехотворную пантомиму, пока их пленник не выбился из сил, а потом прицелились и хладнокровно выпустили в него по пуле.

Несколько секунд в зале царил тишина. Затем посетители разом повскакивали с мест и принялись аплодировать гестаповцам. Оглушенный Андреас не сводил глаз со своих тестя и тещи, которые от души, как в театре, когда падает занавес, хлопали в ладоши.

Андреас проснулся, как от толчка. Он не мог сообразить ни где он находится, ни даже кто он такой. Накатила волна паники, и он почувствовал, что задыхается, хотя во сне сбросил с себя одеяло. Смятая постель напоминала поле битвы. Он закрыл глаза и несколько минут полежал на спине, не поворачиваясь на бок и вытянув руки вдоль тела. Ему снова приснился кошмарный сон, один из тех, что в последние месяцы то и дело мучили его по ночам. Пока он пытался восстановить дыхание, в голове мелькали бессвязные обрывки мыслей, которые постепенно складывались в более или менее целостную картину. Наконец ему удалось успокоиться и в окружающей темноте отделить реальное от воображаемого.

Он находился в Гармиш-Партенкирхене, куда приехал один. Брать с собой Магдалену не имело смысла — он был здесь по работе, а его жена терпеть не могла спортивные соревнования. Атмосфера лыжных станций также не вызывала у нее никаких симпатий; они всего раз, в самом начале

их брака, вместе посетили одну, кстати сказать, расположенную именно в Гармише, слывшем модным курортом.

Сейчас их брак трещал по швам, и почти двухнедельная разлука воспринималась как благо. Ему она давала возможность глотнуть кислорода — как в прямом, так и в переносном смысле, разобраться в себе и в том, что с ними происходит. Да и ей, наверное, тоже.

Спортивный журналист крупной берлинской газеты, Андреас специализировался на легкой атлетике и велоспорте, однако мог писать почти о любом виде спорта. В своей области он считался одним из самых талантливых репортеров, а сюда, в сердце Баварских Альп, прибыл для освещения зимних Олимпийских игр, проводившихся в четвертый раз.

Он посмотрел направо, где на ночном столике стояли часы с откидным куполом. Стрелки показывали 3:59. Катастрофа. Снова заснуть не удастся, во всяком случае — заснуть по-настоящему. Голова раскалывалась. Неудивительно, если вспомнить, сколько он выпил накануне вечером. Олимпийские игры завершились торжественной церемонией за несколько часов до того; наступало утро понедельника 17 февраля 1936 года.

Андреас лежал, тупо уставившись на подсвеченный циферблат часов. Это была изумительная вещьца фирмы *Mofet* и предмет его особой гордости: часы показывали время с безупречной точностью. Он купил эту дорожную модель, выпущенную ограниченной серией, в прошлом году, незадолго до своего тридцатилетия, заранее зная, что скажет Магдалена, когда он покажет ей свое приобретение.

— Тебе невозможно ничего подарить, — проворчала она. — Стоит тебе что-то захотеть, ты идешь и покупаешь это. И кстати, всегда выбираешь самое дорогое!

Может быть, она тоже заметила в лавке известного часовщика эту прелестную вещицу и, зная, как он обрадуется, захотела ему ее подарить? И теперь расстраивалась, что он сорвал ее планы? Нет, вряд ли. Она считала Андреаса транжирой и категорически не одобряла его, как она выражалась, “склонность к бесполезной роскоши”. Но Андреас не сомневался: *Mofem* стоит своих денег — безупречный механизм, легкий и компактный, упакованный в футляр, он занимал совсем немного места. Идеальный будильник для репортера, вопреки кочевому образу жизни сохранившего определенную тягу к изысканной эстетике, воплощением которой и служили часы. На самом деле Андреас сознавал, что это чудо технологии и миниатюризации ему, в общем-то, ни к чему, если не считать удовольствия от его созерцания: он всегда просыпался до звонка будильника, обычно в четвертом часу ночи, а иногда и раньше. Что не мешало ему каждый вечер перед сном заводить будильник на семь утра, даже понимая всю бесполезность этого действия. Эта бессмысленная привычка превратилась у него во что-то вроде суеверия. Перестать заводить будильник означало бы окончательно сдаться бессоннице, смириться с тем, что она стала неизлечимой болезнью. Впрочем, ему в любом случае приходилось признать: приступы бессонницы усиливались. В Берлине он списывал ее на плохой воздух, отравленный выбросами из заводских труб и домов, отапливаемых углем, и автомобильными

выхлопами. Теперь, когда экономический кризис уходил в прошлое, загрязнений в городе становилось все больше. Иногда он жаловался Магдалене — хотя что она-то могла поделать? — на уличный шум, который не затихал даже ночью и проникал к ним в хорошую, в общем-то, квартиру, расположенную на шестом этаже солидного дома на Унтер-ден-Линден, самой фешенебельной улице города. Но здесь, высоко в горах, где все словно закутано в ватный кокон, где взору предстают бесконечные снежные просторы, где по склонам, утопая в тумане, карабкаются к вершинам ели и воздух чист, как в первый день творения, — здесь, в этом белом раю, он мог бы надеяться на спокойный сон.

Напрасная надежда.